

МОСКОВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Подписная цѣна:

	БЕЗЪ ДОСТАВК. СЪ ДОСТАВ.	СЪ ПЕРЕСЫЛК.
за годъ	3 р. 50 к.	4 р. 50 к.
за полгода	2 р.	2 р. 50 к.
за три мѣс. 1 р.	1 р. 25 к.	1 р. 30 к.
— 1 мѣс.	40 к.	50 к.

ВЫХОДЯТЪ

ПО

ВОСРЕСЕНЬЯМЪ.

за напечатаніе объявленій
за каждую строку или мѣсто строки взимаются:
за одинъ разъ 10 к.
— два раза — 15 к.
— три раза — 20 к.
отдѣльные №№ М. Е. В. продаются по 10 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высоко-Петровскомъ мон.; въ редакціи на Донской улицѣ въ приходѣ Рязноложенской церкви, въ квартирѣ священника Рождественскаго; и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ С.-Петербургѣ, у Кораблева и Сиранова.

СОДЕРЖАНІЕ.

Москва, 17 сентября.

ВОСКРЕСНЫЯ ВЕСЕДЫ. Недѣля семнадцатая по Пятидесятницѣ. Житіе пр. Андрея юродиваго. Поученіе о значеніи для насъ праздника Покрова Богоматери.

ИСТОРІЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. Архіепископъ Евгений Казанцевъ.

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Конгрессъ въ Кельнѣ. Папскій конклавъ.

Москва, 17 сентября.

Всѣ религіозныя секты, христіанскія и не христіанскія, въ своемъ возникновеніи и развитіи подчиняются одному общему закону. Послѣдователи той или другой религіи (въ самомъ началѣ, всегда одинъ или весьма немногіе) чувствуютъ, субъективно, неудовлетворительность какаго-либо пункта ученія ея, невозможность согласить его съ какимъ-нибудь требованіемъ физической или нравственной природы своей. Смутно сознаваемое въ самомъ началѣ, это разногласіе разсудка съ ученіемъ религіи постепенно усиливается. Число недовольныхъ возрастаетъ. Придумывается новая теорія, которая становится въ противорѣчіе съ оспариваемымъ пунктомъ ученія. Послѣдователи новой теоріи, не придавая большаго значенія своему разногласію съ тѣмъ или другимъ пунктомъ ученія исповѣдуемой ими религіи, не рѣшаются и не находятъ нужнымъ выдѣляться изъ своего религіознаго общества. Но вотъ въ средѣ ихъ является лицо, которое своимъ умомъ, образованіемъ или нравственными качествами, при содѣйствіи счастливыхъ обстоятельствъ, далеко выдается впередъ. Эта необыкновенная личность не только подтверждаетъ и доказываетъ справедливость новой теоріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, двигаясь въ развитіи новаго ученія далѣе и далѣе, создаетъ уже цѣлую систему его. При всемъ различіи своемъ отъ системы господствующей религіи, новая система всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе ясный отпечатокъ ея. Если самъ реформаторъ не успѣетъ или не сумѣетъ выяснитъ всѣхъ пунктовъ своего ученія, то это дополняютъ его послѣдователи. Такимъ образомъ составляется новая секта. Основатель ея, въ глазахъ своихъ послѣдователей, съ теченіемъ времени приобретаетъ болѣе и болѣе идеальный ха-

раκτήрь, и чѣмъ неразвитѣ послѣдователи его, тѣмъ идеальнѣе и нелѣпѣе представленіе объ немъ.

Это, какъ мы сказали, общий законъ всѣхъ религіозныхъ обществъ; ему же слѣдовала и скопческая секта. Христіанская религія требуетъ, чтобы мы для достиженія царствія небеснаго умерщвляли свою плоть, но какъ, физически или нравственно? Вопреки согласному ученію христіанской церкви о нравственномъ умерщвленіи плоти, нѣкоторые дошли до мысли о необходимости для спасенія физически отсѣкать тѣ члены тѣла, которые могутъ подавать поводъ ко грѣху. Отсюда — ученіе объ оскотленіи. Явившись еще въ древней христіанской церкви, ученіе это мало находило себѣ послѣдователей. Но вотъ явился человекъ, который сумѣлъ развитъ этотъ основной пунктъ своего ученія въ цѣлую систему, хотя и не полную, развитую болѣе или менѣе опредѣленно уже его послѣдователями; и вотъ образовалась скопческая секта. Основатель секты Кондратій Селивановъ получилъ у скопцовъ крайне идеальный характеръ. Никогда ни одинъ сектаторъ не былъ такъ идеально-бессмысленно характеризуемъ своими послѣдователями, какъ Селивановъ скопцами. Не рѣшаясь разорвать связь съ христіанскими воззрѣніями, они называютъ его Искупителемъ, Сыномъ Божиимъ, безсмертнымъ и вообще именами, которыя церковь усвоитъ своему Божественному Основателю. Для болѣе полной аналогіи съ Иисусомъ Христомъ, скопцы составили цѣлую исторію воплощенія своего полубога, его страданій и воскресенія, придумали теорію его будущаго пришествія на страшный судъ и дальнѣйшей судьбы какъ своего общества, такъ и всего міра.

Вокругъ Селиванова группируется и въ немъ, какъ въ фокусъ, сосредоточивается все ученіе скопцовъ. Скопцы вѣруютъ въ него, какъ въ Сына Божія и Искупителя, который безсѣменно родился, страдалъ, воскресъ, скрылся и скоро придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, послѣ чего наступитъ полное блаженство скопцовъ. Изображеніямъ своего искупителя они и поклоняются вмѣсто изображеній истиннаго Искупителя. Иисуса Христа скопцы признаютъ Сыномъ Божиимъ, но только меньшимъ Селиванова. Такъ какъ Иисусъ Христосъ былъ не полный скопецъ, безумствуютъ изувѣры, и такъ какъ скопчество стало прихо-

дять въ упадокъ, то и нужно было явиться новому искупителю „Государю Батюшкѣ“, который былъ уже совершеннѣйшій скопецъ и тѣмъ вполне искупилъ весь родъ человѣческой отъ грѣха прародителей, состоявшаго, по ученію скопцовъ, въ плотскомъ соединеніи ихъ. Крещеніе І. Христа, по мнѣнію скопцовъ, было не что иное, какъ осклопленіе, и потому Іоаннъ Креститель, по ученію изувѣровъ, самъ скопецъ и осклопитель другихъ, пользуется у нихъ особеннымъ уваженіемъ. Апостолы, по ученію сумасбродовъ, были тоже скопцы. Что же касается вопроса, принимаютъ ли скопцы обрядовое ученіе православной церкви, то надобно сказать, что многіе изъ нихъ выполняютъ нѣкоторые наши обряды, напр. ходятъ въ церковь, бьвають въ крестныхъ ходахъ, даже исповѣдуются и приобщаются св. Тайнъ, но все это дѣлаютъ, какъ думаетъ г. Субботинъ, притворно, чтобы скрыть свою принадлежность къ запрещенной законами скопческой сектѣ.

Вмѣсто таинствъ и обрядовъ православной церкви, скопцы употребляютъ свои, заимствовавъ ихъ у хлыстовъ и видоизмѣнивъ ихъ содержаніе. Это—такъ называемыя радѣнья, замѣняющія у скопцовъ наше общественное богослуженіе. Радѣнья состоятъ въ слѣдующемъ. Вечеромъ подъ воскресные и праздничные дни, или утромъ въ самый праздникъ, скопцы собираются въ какой-либо домъ для совершенія моленій. Иногда скопцы съѣзжаются издалека въ какое-либо центральное мѣсто и здѣсь проводятъ нѣсколько дней въ совершеніи своихъ обрядовъ. Бываютъ собранія и въ простые дни, по случаю какихъ-либо радостныхъ для скопцовъ обстоятельствъ. При входѣ въ собраніе всѣ переодѣваются. Мужчины надѣваютъ бѣлыя, длинныя и широкія рубашки или халаты и широкое нижнее платье. Женщины надѣваютъ бѣлыя рубашки и сверхъ того или синіе сарафаны или ситцевыя платья, при чемъ голову и шею покрываютъ бѣлыми платками съ мушками или полосками. Всѣ разуваются и бьвають въ собраніи босыми, въ рукахъ держатъ полотенца или платки. Поздоровавшись другъ съ другомъ посредствомъ земнаго поклона, всѣ усаживаются на лавкахъ, мужчины по правую сторону отъ передняго угла, а женщины по лѣвую. Если не достаетъ лавокъ, усаживаются на полу. Затѣмъ поютъ пѣсни, въ которыхъ призываютъ на собраніе благодать Св. Духа. Послѣ этого старшина собранія, обыкновенно, одинъ изъ богатѣйшихъ и почтеннѣйшихъ скопцовъ, назначаетъ, кому въ этотъ разъ пророчествовать. Скопцы думаютъ, что каждый изъ членовъ ихъ собранія, мужчины и женщины, могутъ получать вдохновеніе свыше и пророчествовать, — предсказывать судьбу какъ цѣлой секты, такъ и отдѣльных лицъ. Пророчества принимаются у скопцовъ и въ другомъ смыслѣ—въ смыслѣ раскрытія той или другой стороны ихъ ученія и обрядовъ. Пророчества скопцовъ, какъ людей необразованныхъ и большею частію даже безграмотныхъ, почти всегда имѣютъ характеръ пустой, безсвязной и бессмысленной болтовни, которою тѣмъ не менѣе услаждаются и наэлектризовываются невзыскательные и простодушные слушатели. Пожалованный на извѣстное собраніе въ пророки, пре-

поясавшись чрезъ плечо полотенцемъ, выходитъ на средину комнаты, или, на языкѣ скопцовъ, становится на „святой кругъ“. Поклонившись въ землю иконамъ, главному учителю и всему собранію, пророкъ вдохновляется себя слѣдующею молитвою, обращенною къ „батюшкѣ-искупителю“.

„Благослови, мой государь,
Благослови, батюшка родной,
На кругъ святой твой стать;
Изволь мною святымъ духомъ завладать“.

Потомъ начинаетъ пророчествовать объ „общей судьбѣ“. Собраніе отвѣчаетъ на пророчества пѣснями, выражающими желанія и надежды скопцовъ*). Затѣмъ слѣдуютъ пророчества частныя, относящіяся исключительно къ тому или другому члену собранія. Тотъ, къ кому относится такое пророчество, стоитъ на колѣнахъ, крестится обѣими руками и кланяется пророку въ ноги. По окончаніи пророчествъ, начинаются въ собственномъ смыслѣ радѣнья. Они бьвають 4-хъ родовъ: 1) корабельное, состоящее въ томъ, что всѣ становятся въ кругъ и ходятъ по солнцу, распѣвая пѣсни; 2) стѣнкой, заключающееся въ томъ, что ставъ рядомъ, плечо къ плечу, долго ходятъ, при чемъ тоже поютъ пѣсни; 3) радѣніе крестикомъ, состоящее въ томъ, что 4, 6 или 8 человѣкъ, ставъ другъ противъ друга, быстро крестообразно перебѣгаютъ одинъ на мѣсто другаго, сидящіе же въ то время поютъ; наконецъ 4) радѣніе кружкомъ дѣлается кѣмъ-нибудь однимъ: радѣющій такимъ образомъ быстро вертится вокругъ на одномъ мѣстѣ, на подобіе магометанскихъ дервишей. Последнее радѣніе—самое трудное и требуетъ особаго навыка и искусства. Послѣ радѣній всѣ молятся, цѣлуютъ портреты и, напившись вмѣстѣ чаю, расходятся.

У скопцовъ употребляется особаго рода причастіе, о которомъ *срамно есть и маюлати*; но считаемъ себя обязанными сказать для того, чтобы дать читателю болѣе или менѣе полное понятіе объ отвратительной сектѣ скопцовъ. Причастіе это состоитъ въ томъ, что скопцы ѣдятъ „отрѣзываемые члены человеческого тѣла“, или въ сыромъ видѣ, или въ видѣ сухаго порошка, запекаемаго въ калачики и крендельки. Какая мерзость, читатель!

Что касается до нравственныхъ правилъ скопцовъ, то, надобно сознаться, они довольно чисты. Поступающихъ въ секту скопцовъ учатъ жить честно, не пить вина, не ѣсть мяса, не курить табаку и не ругаться.

Мы находимъ неудобнымъ говорить, въ епархіальной газетѣ, о различныхъ видахъ осклопленія, совершаемаго надъ мужчинами и женщинами; желающихъ ознакомиться съ этимъ предметомъ отсылаемъ къ книгѣ г. Ливанова. Д. В. Я.

*) Въ книгѣ г. Ливанова („Раскольники и Острожники“, т. III) приведено 40 пѣсень, распѣваемыхъ скопцами. Дем.

Воскресныя Бесѣды.

Нодѣля семнадцатая по Пятдесятницѣ.

Еванг. Мате. зач. 62, гл. 15, 21—29. Лук. зач. 54, гл. 10, 38—42.

Апост. 2 Кор. зач. 182, гл. 6, 16—2 ст. 7 гл. Евр. зач. 320, гл. 9, 1—8.

I.

Житіе пр. Андрея юродиваго.

Въ царствованіе Греческаго царя Льва мудраго однимъ сановникомъ его кумленъ былъ въ числѣ рабовъ отрокъ Андрей, родомъ Славянинъ. Поправился хозяину этотъ отрокъ болѣе всѣхъ особенною какою-то привлекательностію въ лицѣ, и онъ заставилъ его быть при себѣ постоянно, занявшись христіанскимъ его образованіемъ. Хожденіе въ храмъ и чтеніе св. книгъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ Андрея до призванія къ высшему и тягчайшему подвигу благочестія. Однажды во снѣ видитъ Андрей себя на военномъ полѣ, на которомъ происходитъ борьба между множествомъ черныхъ и облеченныхъ въ бѣлое одѣяніе, и слышитъ отъ первыхъ вызовъ кого-либо на поединокъ съ великаномъ, начальникомъ ихъ сонмища. Въ это время является съ неба прекрасный юноша съ тремя вѣнцами, изъ коихъ одинъ былъ лучше и дороже другаго, и объясняетъ, что вѣнцы сіи дадутся побѣдителю этого великана. На вопросъ Андрея, можетъ ли онъ вступить въ борьбу съ исполиномъ и побѣдить его, явившійся отвѣчаетъ, что можетъ и побѣдить, если въ борьбѣ подставитъ ему ногу и заппетъ его. Укрѣпленный наставленіемъ, онъ дѣйствительно вступаетъ въ борьбу и побѣждаетъ противника, къ радости одной стороны и ужасу другой. Тогда небесный посланникъ надѣваетъ на него всѣ три вѣнца и повелѣваетъ ему съ сего времени юродствовать ради Христа. Тяжель до чрезвычайности подвигъ юродства, и не всякій подвижникъ можетъ на себя взять его. Нужно отреченіе и самоотверженіе полное, чтобы, при здоровомъ умѣ, казаться несмысленнымъ, безъ крова и одежды, при зноѣ и холодѣ, часто по нѣскольку дней безъ пищи, безпрестанно на улицѣ подвергаться осмѣянію, оскорбленію, побоямъ отъ проходящихъ, и все терпѣть съ благодареніемъ и молитвою. Андрей, проснувшись, въ надеждѣ на помощь Божию, съ слѣдующаго же дня вступаетъ въ подвигъ юродства, начавъ его разрѣзаніемъ на мелкіе куски своей одежды и притворнымъ бѣснованіемъ. Господинъ Андрея, увидавъ его въ такомъ видѣ, въ оковахъ запираетъ его въ храмъ узорѣшительницы Анастасіи. Оставшись одинъ, Андрей всю ночь проводитъ въ усиленной молитвѣ о благословеніи и помощи Божіей на новомъ служеніи Христу. Недоумѣніе его о томъ, угоденъ ли будетъ Господу его подвигъ юродства, разрѣшается видѣніемъ благолѣчнаго старца съ пятью такими же женами, которыя идутъ врачевать болящихъ на землѣ, но его врачевать не находятъ нужнымъ, какъ страждущаго по повелѣнію Божію. Успокоенный симъ видѣніемъ, равно какъ явленіемъ ему во снѣ Іоанна Богослова, обѣщавшагося помогать ему, и послѣ сего видѣніемъ Господа, даващаго ему проглотить нѣчто чрезвычайно горькое и за тѣмъ необыкновенно вкусное и сладкое, Андрей черезъ четыре мѣсяца отпущенъ былъ господиномъ его и сталъ подъ видомъ глухенькаго, въ драномъ рубищѣ, полунагой, ходить

по улицамъ города, подвергаясь днемъ всевозможнымъ оскорбленіямъ, насмѣшкамъ, поруганію и отъ большихъ и отъ малыхъ, презрѣнію даже отъ нищихъ, голоду, холоду, отдавая подаваемое ему другимъ нищимъ, а ночи проводя въ молитвѣ за всѣхъ, отъ кого въ теченіе дня получилъ оскорбленіе, только малую часть ея отдавая необходимому успокоенію сномъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, съ собаками, которыя въ свою очередь гнали его отъ себя, или же сами отъ него убѣгали. «Вотъ каковъ ты Андрей, что не только люди, но и псы отъ тебя бѣгаютъ,» говорилъ онъ самъ себѣ въ глубокомъ чувствѣ смиренія. Но благодать Божія, ищущая сердца кроткаго и смиреннаго, въ дарѣ прозорливства показала болѣе внимательнымъ, какой великій угодникъ Божій скрывается подъ страннымъ видомъ сего нищаго. Гробоконателю, занимающемуся разрываніемъ могилъ и обираніемъ умершихъ, Андрей предсказываетъ скорую потерю зрѣнія, что въ слѣдующую же ночь и случилось. Одному сановнику, извѣстному безнравственностію своею, Андрей плюнулъ въ лице на улицѣ, предсказавъ грядущій на него карающій судъ Божій во внезапной смерти. Однажды останавливается Андрей предъ пышною церемоніей богатыхъ похоронъ и видитъ предъ гробомъ пляску и торжество бѣсовъ, которымъ всю жизнь служилъ умершій; залился слезами юродивый и, когда его спросилъ кто-то о причинѣ такого плача, онъ рассказалъ видѣнное, и сталъ молиться за умершаго. Прозирая въ сердце челоуѣка, Андрей старается грѣшнику напомнить грѣхи его, даетъ добрые совѣты ищущимъ ихъ. Увидалъ онъ одного монаха, всѣми уважаемаго за благочестивую жизнь, но страдавшаго сребролюбіемъ, который получалъ отъ другихъ немало денегъ для раздачи бѣднымъ, но удерживалъ ихъ при себѣ. Наединѣ объясняетъ ему Андрей опасность его положенія и умоляетъ не терять труда добраго подвижничества изъ-за страсти къ деньгамъ, для него совсемъ ненужнымъ. Послушался обличаемый, роздалъ все скопленное нищимъ и навсегда отказался отъ принятія денегъ на благотвореніе. И многимъ давалъ Андрей вразумленія и предостереженія то прямо и ясно, то подъ покровомъ притчи, неистоваго смѣха, плача, неприличнаго и страннаго дѣйствія. Кто способенъ и достоинъ былъ, понималъ и вразумлялся; жестокіе и несправимые преслѣдовали и били юродиваго. Однажды на площади Андрей подвергся ужасному поруганію: одни съ смѣхомъ пихали его изъ стороны въ сторону, другіе плевываютъ, закидываютъ грязью и всякою нечистотою, болѣе дерзкіе бьютъ по лицу, спинѣ и другимъ частямъ тѣла. Была на площади въ это время одна благочестивая женщина Варвара, которой открыто было Господомъ величіе Андрея подъ образомъ пламеннаго столпа, его покрывающаго, и голубя, съ неба принесшаго ему масляный листъ райскій въ знаменіе благоволенія Божія. Ободряемъ былъ подвижникъ и другими откровеніями. Незадолго до кончины, въ жестокую зимнюю стужу, когда замерзалъ юродивый гдѣ-то въ углу и уже ждалъ смерти, онъ восхищенъ былъ въ рай и зрѣніемъ красоты его укрѣпленъ былъ къ продолженію страдальческаго подвига: Во Влахернскомъ храмѣ во время всеобщаго бдѣнія видитъ онъ и показываетъ ученику своему Матерь Божию, стоящую на облакахъ со всѣми святыми и покрывающую землю омофоромъ своимъ. Кончина святаго показала міру, какой великій свѣтильникъ былъ Андрей. Молитвенно испрашивали прощенія предъ гробомъ его, провождаемымъ царемъ и патриархомъ, волею и неволею оскорблявшіе во время жизни преподобнаго.

II.

Почуеніе о значеніи для насъ праздника Покрова Богоматери.

Знаменателенъ настоящій праздникъ. Основная мысль его та, что не единично только тотъ или другой изъ призываемыхъ нами святыхъ Божіихъ, не временно только по силѣ нашего призыванія, предстательствуетъ за насъ предъ Господомъ, но вся церковь торжествующая, подъ предводительствомъ Царицы небесной, постоянно находится въ общеніи съ церковію воинствующею на землѣ, Богоугодными молитвами своими низводя на послѣднюю милость и благоволеніе Божіе. Мы не сирѣ, не брошены, но стоимъ подъ покровомъ Владычицы. Ободрился, малодушный, утѣшься, страждущій. Тебя и горе твое видятъ небесные твои покровители, и если не подадутъ сейчасъ же помощи, то потому, что не видятъ въ томъ крайней нужды, давая тебѣ случай и средства укрѣпиться въ терпѣніи и получить похвалу за подвигъ. Съ другой стороны берегись, безпечный грѣшникъ, пренебрегающій долготерпѣніемъ Божіимъ. Богоматерь благодать свою являетъ тѣмъ людямъ, которые чтутъ Сына Ея Господа Иисуса Христа, хотя и падаютъ по немощи, но не погрязаютъ въ пороки, а тотчасъ же раскаиваются и встаютъ отъ паденія. Явные грѣшники, не цѣнящіе пролитой на крестѣ крови Сына Ея, недостойны Ея милосердія. Святые Божіи любятъ насъ, какъ меньшихъ своихъ братьевъ, но любятъ насъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Какъ скоро замѣтятъ они, что себя мы любимъ болѣе Бога и грѣшимъ не по слабости и немощи, а по любви къ грѣху, святые отвращаются отъ насъ, какъ отъ дерзкихъ оскорбителей милосердія Божія. Молитвеннымъ бодрствованіемъ за насъ святые Божіи возбуждаютъ нашу безпечность къ дѣлу своего спасенія; близость ихъ къ Богу, чистота ихъ нравственная ручаются за то, что не всякая и не отъ каждаго изъ насъ молитва благопріятна имъ, но только чистая по предмету и достойная Господа, и отъ тѣхъ, которые заботятся о приближеніи себя къ Богу. Да не обольщаемся тщетною надеждою на помощь святыхъ Божіихъ, упорствуя во грѣхъ; да не скорбимъ, а вразумляемся, не получая почасту просимаго нами.

С. К. О.

Историческій отдѣлъ.

Архіепископъ Евгеній Казанцевъ.

(Биографическій очеркъ)

(Продолженіе).

Вотъ для примѣра одна самая важная жалоба—разсказываетъ г. Бекреевъ—участникъ слѣдствія: крестьяне села Омутинскаго жаловались на священника Тутолмина, что онъ много беретъ за свадьбы и другія требы, и что онъ у нѣкоторыхъ изъ крестьянъ отобралъ поля подъ свои запашки. Жалобу подписали 309 чел. Собрали всѣхъ подписавшихъ на открытомъ мѣстѣ. Слѣдователи просили не кричать всѣмъ, или многимъ вмѣстѣ, а каждый чтобы отдѣльно отвѣчалъ на вопросъ, и кто лично обиженъ священникомъ, чтобы послѣ отвѣта становился наизво, а кто личной обиды не имѣетъ, становился бы направо. Спрашиваютъ перваго подписавшагося: „въ чемъ твоя жалоба на священника? Чѣмъ ты обиженъ отъ него?“ Да я-то, отцы духовные, ничего—отвѣчаетъ: у меня съ бать-

кой дѣлъ (непріятныхъ) никакныхъ не было, а вотъ мѣръ.“ — „Ну, становись направо.“ Спрашиваютъ втораго изъ подписавшихся: „А ты въ чемъ жалуешься на священника, тебѣ что сдѣлалъ онъ обиднаго?“ — „И я ничего обиднаго не видалъ отъ священника: да вотъ съ мѣромъ у него.“ — „Становись направо.“ — И такимъ образомъ направо стали болѣе 250 чел., а наизво оказалось 10, 15 человекъ, и тѣ всѣмъ извѣстные въ деревняхъ горланы, такъ называемые мѣрѣды, всегда и вездѣ первые крамольники. Когда же слѣдователи потребовали коней, чтобы съ волостными начальниками осмотрѣть поля, запаханные священникомъ: то благоразумные изъ крестьянъ сказали: „да за чѣмъ ѣхать? У насъ земли не дѣленыя, кто и гдѣ сколько захочетъ, столько и пашетъ (такъ и во многихъ мѣстахъ Сибири), такъ пашетъ и нашъ батька.“ — Оказалось, что священникъ, какъ болѣе смѣшленный и опытный, выбралъ землю для пашни (впрочемъ нигдѣмъ дотолѣ не запаханную) лучшую, чѣмъ другіе смежные съ нимъ и тѣмъ возбудилъ зависть: вотъ и причина къ жалобѣ. Подобны симъ и прочія жалобы, и по всѣмъ имъ только одинъ благочинный удаленъ отъ должности благочиннаго за несмотрѣніе.

Конечно не мало было для преосвященнаго огорченій въ этомъ путешествіи, — въ этой ревизіи. Не могло же быть во всѣхъ церквахъ полное благоустройство: то несправность въ веденіи отчетовъ и другихъ записяхъ церковныхъ, то необразованность или несогласіе въ причтѣ, то несправность въ исполненіи своихъ обязанностей, усматриваемыя не изъ официальныхъ донесеній, а самолично: все это болѣе, или менѣе огорчало его и требовало или вразумленій, или замѣчаній, или отеческихъ внушеній. Огорчало еще болѣе охлажденіе православныхъ къ вѣрѣ, происходившее отъ рѣдкаго посѣщенія храмовъ, чему причиною обширность края и отдаленность прихожанъ отъ своихъ приходскихъ церквей. При каждомъ разговорѣ съ народомъ и простымъ и сколько-нибудь образованнымъ старался внушать и убѣждать устроить новые храмы, умножать приходы: но внушенія и совѣты принимались не сочувственно, то по холодности, то по недостаточности средствъ. Но самое большее огорченіе испыталъ онъ подъ конецъ путешествія въ городѣ Омскѣ. Еще прежде слышалъ онъ о жителяхъ этого города много хорошаго—и о благоустройствѣ общественномъ, и о доброй нравственности, и объ ихъ религіозности и усердіи къ церкви и ожидалъ въ немъ получить утѣшеніе. И какою пораженъ былъ скорбію при самомъ въѣздѣ въ городъ, увидѣвъ подлѣ православнаго храма строящуюся огромную мечеть, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ было только двѣ православныхъ церкви: соборъ и приходская церковь. Онъ въ этомъ увидѣлъ крайнюю холодность жителей къ православной вѣрѣ и уваженіе къ исламу. Не могъ скрыть своего чувства архипастырь и высказалъ огорченіе въ словѣ, произнесенномъ при первомъ же служеніи въ городѣ. „Не требуютъ здравіи врача, но болици—говорилъ архипастырь: достигъ я вашего города, благочестивые обитатели Омска... И здѣсь, гдѣ надѣялся по слухамъ обрѣсти источникъ православія, обрѣтаю строящуюся мечеть почти подлѣ православной церкви. Гдѣ же та ревность о православіи, которая свойственна истиннымъ христіанамъ? Если бы столь близво подошелъ пожаръ къ домамъ вашимъ, не наполнили ли бы вы крикомъ воздуха?

Если бы кто такъ близко коснулся вашей собственности, не прошли ли бы вы всѣ присутственныя мѣста, не обошли ли бы всѣхъ начальниковъ съ вашими жалобами? Но въ дѣлѣ вѣры вы безмолвствуете и тѣмъ свидѣствуете, что всякая вѣра для васъ равна?

„Не спорю я, что терпимость вѣры, принятая нашимъ правительствомъ великодушнымъ и прозорливымъ, требуетъ, чтобы подданные всѣхъ исповѣданій строили свободно молитвенные храмы: но сія свобода не имѣетъ ли предѣловъ... Мало ли мѣста за городомъ, гдѣ могли ревнители Магомета расширять, какъ угодно и вызышать мечеть свою?

„Но вы скажете, что не могли противиться распоряженіямъ вашего правительства, дабы не показаться мятежниками. Какъ же дерзали за Христа малочисленные апостолы и презрѣнные мученики? Не могли ли вы надѣяться успѣха въ вашей просьбѣ отъ вашихъ православныхъ правителей и покровителей, если бы приступили неоступно? Кто могъ бы принять за мятежъ ваше скромное и смиренное прошеніе?

„Но теперь когда молитвенница невѣрныхъ уже воздвигнута, по крайней мѣрѣ остерегайтесь, умоляю васъ, той опасной мысли, что всѣ вѣры равны....

„Но говорить, что и между ими есть честные и добродѣтельные люди, а въ христіанахъ есть безсовѣстные и порочные. Къ сожалѣнію, слушатели, это совершенная истина. Но спрошу васъ какъ христіанъ, воспитанныхъ въ христіанствѣ: научаетъ ли христіанская вѣра обману, или распутству? Слѣдственно сіи клеветы возникаютъ въ пшеницѣ Господней, не отъ христіанства, а отъ постороннихъ многосложныхъ причинъ“....

При внутреннихъ сердечныхъ огорченіяхъ, много перенесъ преосвященный и по вѣнности. Терпѣлъ отъ неудобствъ экипажа, въ которомъ долженъ былъ постоянно сидѣть въ одномъ положеніи и перемѣнял это положеніе только ночью во время сна, — а сонъ его рѣдко продолжался болѣе трехъ—четыре часовъ. И еще увеличивалъ онъ это неудобство тѣмъ, что попеременно сажалъ съ собою того, или другаго изъ спутниковъ, заботясь о томъ, что они еще большее неудобство терпятъ въ простыхъ телегахъ и оракахъ, хотя, сказать правду—говорить г. Бекреевъ: мы не были чувствительны къ такому его вниманію: ибо въ телегѣ все-таки хоть изрѣдка, гдѣ гладкая дорога, можно было протянуться и лежать, а въ его экипажѣ только сидѣть.

Терпѣлъ архипастырь и отъ холода. Такъ во второмъ путешествіи въ сентябрѣ уже ночи были довольно холодны, а у него, какъ выше сказано, теплаго платья никакого не было. Напримѣръ: на одной станціи, гдѣ остановились на ночь, крестьяне, собравшіеся съ лошадьми для насъ развели между себя огонь, чтобы обогрѣться; чистыя комнаты, въ которыя ввели путешествующихъ, еще не отоплялись, и мы принуждены были ночевать въ холодной комнатѣ. Преосвященному положенъ былъ тюфячекъ его на полу, и онъ легъ подъ леговымъ одеяльцемъ, а мы на крестьянской постелѣ подъ шубами, которыми запаслись изъ дому. Надъ нами висѣли крестьянскія овчинныя шубы совершенно новыя, не бывшія въ употребленіи: мы было предложили ему одѣться этою шубой, но онъ не согласился и, померзнувъ часа два подъ своимъ одеяльцемъ, всталъ и началъ быстро ходить по комнатѣ, чтобы согрѣть

ся, а между тѣмъ приказалъ закладывать лошадей: или спасался отъ холода тѣмъ, что пока закладываютъ лошадей, поидетъ впередъ и мы догоняли его уже чрезъ двѣ или три версты: и Господь хранилъ его жизнь и здоровье.

Терпѣлъ онъ и отъ голода. Такъ при самомъ началѣ втораго путешествія 1 августа отправились въ путь прямо послѣ водоосвященія, слѣдовательно безъ пищи и питья; доѣхавъ до Абацацкаго монастыря—отъ Тобольска 25 верстъ—тамъ онъ напился только чаю; переѣхавъ за Иртышъ къ вечеру остановились на ночь въ деревенской избѣ. Преосвященный спросилъ поужинать, хотъ бы постныхъ щей: у хозяина и того не оказалось: и онъ довольствовался однимъ кускомъ хлѣба съ водой. Да и вездѣ онъ довольствовался весьма малымъ, что можно было купить. Приказаніе его ничего не брать даромъ строго исполнялось. Въ городахъ жители достаточные устраивали было для него обѣды: но онъ вездѣ отказывался, за немѣніемъ времени по множеству дѣла. А между тѣмъ говорилъ своимъ спутникамъ: „конечно эти обѣды устраиваются по усердію, безъ всякой задней мысли; но случись какое дѣло за духовнымъ лицомъ; это лицо тотчасъ обратится къ угостившему меня обѣдомъ, съ просьбою ходатайствовать за него: въ такомъ случаѣ что я буду дѣлать?—Проститься съ безпристрастіемъ и справедливостью.“ Всѣ эти подробности взяты изъ разсказовъ г. Бекреева, все время путешествій бывшаго при немъ письмоводителемъ и слѣдовательно очевидца, и нѣтъ основанія не вѣрить имъ.

И такимъ образомъ, совершивъ второе путешествіе, преосвященный возвратился въ Тобольскъ къ 1 числу октября и конецъ 1828 и начало 1829 года провелъ, можно сказать, покойно, занимаясь обычнымъ теченіемъ епархіальныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1829, въ январѣ онъ былъ увѣренъ Высочайшимъ къ нему благоволеніемъ. Всемилостивѣйшею грамотою (вѣроятно и по вниманію къ совершенному имъ подвигу путешествія) онъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й ст.; грамота начинается словами: *Долговременное отличное служеніе и назидательный примѣръ, который подаете собою пастырь вашей, приобретають вамъ право....*

Но подвигъ его еще не конченъ. Обозрѣлъ онъ юго-восточный и юго-западный край епархіи: оставалось обозрѣть сѣверный—такъ называемый Березовскій край. И это обозрѣніе совершено имъ въ 1829 въ томъ же порядкѣ и съ тѣми же предварительными распоряженіями. И это путешествіе такъ же было не кратко, какъ первое. Преосвященный съ тѣми же спутниками выѣхалъ въ началѣ іюня и возвратился 20 іюля. Но оно и безпокойнѣе, и затруднительнѣе первыхъ и даже соединено съ опасностями. Безпокойнѣе потому, что въ этой странѣ чрезмѣрно много лѣтомъ и днемъ и ночью бываетъ разныхъ насѣкомыхъ, слѣпней, мошекъ, комаровъ. Затруднительнѣе и опаснѣе, потому что почти все совершенно водою—отъ Тобольска до Самарова Иртышемъ, отъ Самарова не только до Березова, но до послѣдняго къ сѣверу селенія Обдорска Обью. Березовъ отъ Тобольска разстояніемъ 900, а отъ Березова до Обдорска около 700 верстъ. Плыли на досчаникѣ (лодка большая съ крышею). Выходили на берегъ въ городахъ и селеніяхъ, стоящихъ на берегу, которыхъ впрочемъ весьма немного. И здѣсь онъ почти во всѣхъ храмахъ и градскихъ и сельскихъ совершалъ богослуженіе и говорилъ поученія. Выходили

иногда на берегъ, иногда одинъ пресвященный, иногда и спутники его, чтобы освѣжиться движеніемъ послѣ долго-временнаго неподвижнаго сидѣнія. Здѣсь Пресвященный подвергался серьезной опасности два раза: въ первый одинъ на пути къ Березову, второй со всеми спутниками на обратномъ пути. Вышелъ Владыка изъ досчаника и шелъ одинъ по берегу лѣсомъ. Вдали между деревьями стояли и смотрѣли на нихъ инородцы: и вотъ увидѣлъ онъ между ними какое-то волненіе, перебѣгаютъ одинъ къ другому, разговаривая скоро своимъ непонятнымъ языкомъ. Наконецъ одинъ выбѣгаетъ изъ-за деревъ и бѣжитъ къ Пресвященному. Смутился несколько Владыка, но продолжалъ идти. Подбѣжалъ дикарь, схватилъ его одной рукой за плечо и остановилъ, а другой рукой указывая впередъ, съ трудомъ выговаривалъ: олень. Между тѣмъ и оставшіеся въ лодкѣ увидѣли это, подплыли къ берегу, вышли на берегъ и одинъ изъ лодочниковъ подбѣжалъ почти вмѣстѣ съ дикаремъ остановившимся и объяснилъ. На этой тропинкѣ поставленъ былъ снарядъ или капканъ для оленя, въ которомъ было нѣсколько стальныхъ стрѣлъ, такъ направленныхъ, что какъ олень ступитъ на скрытую пружину, то стрѣлы въ него вонзаются и мгновенно убиваютъ. До этого мѣста оставалось пять—шесть шаговъ, и осматривъ устройство снаряда, увидѣли ясно, что если бы онъ не былъ остановленъ, тутъ же бы упалъ мертвый. Пресвященный и послѣ это рассказывалъ неоднократно (даже уже на покой въ Донскомъ) и выводилъ изъ этого, что дикіе по природѣ честны и доброжелательны и способны къ христіанскому просвѣщенію, но учителей нѣтъ. По религиозному фанатизму православныхъ священниковъ почитаютъ врагами своими и своей вѣры, видятъ главное лице духовное — главнаго врага, но спѣшать его спасти отъ погибели.

Другой опасности подвергались всѣ плившіе на обратномъ пути въ Тобольскъ на рѣкѣ Оби. Поднялась буря жестокая, досчаникъ колыхало изъ стороны въ сторону и то поднимало волнами, то опускало въ бездну: почти не оставалось надежды; всѣ пришли въ отчаяніе; малые и малодушные подняли плачь и вой. Пресвященный уговаривалъ не отчаяваться, обратиться съ молитвою къ Богу и надѣяться на Его милосердіе; началъ самъ молиться и всѣ благоразумные обратились за нимъ къ молитвѣ: вдругъ увидѣли высокій берегъ крутой и отвѣсной; лодочники ободрились, употребили всѣ послѣднія силы, подплыли подъ этотъ берегъ и остановились подъ защитою его отъ вѣтра: тутъ нашли спасеніе и простояли цѣлыя сутки, пока утихла буря: а рѣка въ этомъ мѣстѣ шириною около 5 верстъ.

Но всѣ вышнія неудобства, непріятности, опасности не произвели на архипастыря такого скорбнаго и тяжелаго впечатлѣнія, какое чувствовалъ онъ, видя печальное состояніе новокрещенныхъ инородцевъ. Въ Обдорской церкви 29 іюня былъ престольный праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла и онъ спѣшилъ поспѣть къ этому дню, чтобы видѣть въ храмѣ новокрещенныхъ и побесѣдовать съ ними.

И вотъ исполнилось его желаніе. Достигъ Обдорска: поспѣлъ къ празднику. Вошелъ въ храмъ—совершилъ торжественно Богослуженіе. Но какая скорбь поразила его душу, когда увидѣлъ, что въ храмовой праздникъ, при небываломъ тамъ архіерейскомъ служеніи изъ новокрещенныхъ не явилось въ храмъ ни одного человѣка: пред-

стояли только немногіе изъ православныхъ. Предъ этими-то немногими православными архипастырь выразилъ скорбь свою въ произнесенномъ словѣ: „По всему пути нами пройденному до самаго Обдорска всѣ инородцы на вопросы мои отвѣтствовали, что они крещены: но гдѣ ихъ вѣра? Вотъ въ храмовой праздникъ Петра и Павла въ храмовой ихъ церкви нѣтъ ни одного инородца изъ называемыхъ крещеныхъ, одни Россіане. А я спѣшилъ сюда съ возможнымъ усиліемъ издалеча, дабы имѣть утѣшеніе и въ ихъ вѣрѣ, но не имѣю сего утѣшенія. Откуда въ нихъ такая холодность къ вѣрѣ Христовой?“

„Спрашивалъ я ихъ: знаютъ ли они Христа? И къ удивленію слышалъ, что самое имя Христово имъ неизвѣстно. Изъ сего усматриваю ясно и съ душевною болѣзнію, что священно-церковно-служители здѣшняго края не стараются внушать инородцамъ и первыхъ началъ христіанской вѣры. Откуда же почерпнуть какое-либо понятіе о вѣрѣ нашей некрещенные инородцы, когда ничего не знаютъ и крещеные? *Вѣра стъ слуха*, говоритъ Апостолъ, *слухъ же маголомъ Божиимъ* (Римл. 10. 17).

„Возлюбленная братія и чада мои о Господь! Конечно первый и существенный долгъ ученія христіанскаго лежитъ на священникахъ. Они дадутъ отвѣтъ на судищѣ Христовомъ о своемъ набреженіи. Но и всѣ Христіане, воспитанные въ познаніи Иисуса Христа и воли Его, обязаны по возможности содѣйствовать просвѣщенію инородцевъ и утверженію ихъ въ вѣрѣ и примѣромъ своей жизни и полезнымъ словомъ. Какъ ни мало здѣсь ваше общество, но если ваше по вѣрѣ усердіе будетъ хотя въ той степени, какъ радѣете вы о собственныхъ выгодахъ, для коихъ собрались сюда изъ разныхъ мѣстъ, то неостанется оно безъ плода....

„Инородецъ, услышавъ и понявши слово твое не умоличить. Онъ перескажетъ женѣ, перескажетъ дѣтямъ, перескажетъ пріятелю и спасительное ученіе вѣры будетъ непримѣтно распространяться въ нихъ и пускать корни.

„Но что будемъ мы имъ говорить, скажете вы, неучившии христіанскому богословію? Нѣтъ, слушатели; воспитанный въ христіанской вѣрѣ никто не можетъ сказать, что не знаетъ вѣры. Скорѣе случится можетъ и бываетъ, что христіанинъ поступаетъ не по ученію Христову; во то безспорно, что всякой рожденный и выросшій въ нѣдрѣ церкви знаетъ основаніе вѣры. Неужели есть изъ васъ кто не знающій Символъ вѣры, который слышитъ на каждомъ служеніи и читаетъ при исповѣди: *Вѣрую во Единого Бога Отца*.... А Символъ сей содержитъ всю вѣру христіанскую!! Потомъ Владыка каждый членъ изъясняетъ нѣсколькими словами и продолжаетъ: „а какъ одна вѣра безъ дѣлъ не спасаетъ, то присовокупите заповѣди и вы обнимете всю полноту вѣры. Число ихъ не велико, только десять: но все въ нихъ сказано, что должно дѣлать“....

„Вѣруйте, братіе, какъ учитъ Символъ, и живите, какъ повелѣваютъ заповѣди и научайте обоемъ инородцевъ“.

Пр. I. Б—ій.

Иностранный отдѣлъ

Кельнскій конгрессъ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* помѣщены слѣдующія телеграммы изъ Кельна о происходившемъ на конгрессѣ старокатоликовъ: отъ 8 го (20-го) сентября, пятницѣ. Се-

годня происходило предварительное собраніе конгресса старыхъ католиковъ, на который прибыло уже 300 депутатовъ. Оберъ-регирунгсъ-ратъ Вюльфингъ сказалъ пріѣхавшимъ собранію. Сегодня рѣчи говорили епископы линкольнскій, мериландскій, арискій, утрехтскій, ректоръ Петербургской духовной академіи Янышевъ, докторъ Ронъ изъ Нью-Йорка, англиканскій священникъ Ленгтонъ изъ Флоренціи, профессоръ Шульте изъ Праги и деканъ Вестминстерскаго собора. Иностранные епископы выразили сочувствіе своимъ епархіямъ къ конгрессу и пожеланіе успѣха движенію старыхъ католиковъ. Ректоръ Янышевъ настаивалъ въ своей рѣчи на единеніи на основаніи христіанскихъ истинъ.

Отъ 9-го (21-го) сентября, суббота. На сегодняшнемъ послѣднемъ засѣданіи конгресса старокатоликовъ сдѣлано было предложеніе касательно подготовительныхъ мѣръ къ воссоединенію съ другими исповѣданіями христіанской церкви. Это предложеніе было принято единогласно, и назначенная для того коммиссія составлена изъ слѣдующихъ лицъ: Деллингера, Фридриха, Лоригена, Луттербека, аббата Мишо, Михаэлиса, совѣтника апелляціоннаго суда Роттельсрейкенса, Рейма и Шульте.

Отъ 10-го (22-го) сентября, воскресенье вечеромъ. Сегодня утромъ въ церкви Пантелеона совершена была божественная служба, на которой присутствовали епископъ утрехтскій, многіе другіе депутаты конгресса старокатоликовъ и тысячи вѣрующіихъ. Въ полдень происходило послѣднее засѣданіе депутатовъ конгресса. Въ этомъ засѣданіи говорилъ профессоръ Блунчи, въ качествѣ члена нѣмецкой евангелической церкви, а профессоръ Шульте выставлялъ на видъ необходимость единенія для отринутія всякой нетерпимости и духовнаго гнета, а равно для признанія единства христіанской любви. Г. Шульте сообщилъ собранію письмо армянскаго архіепископа, выразившаго въ своемъ посланіи полное сочувствіе къ стремленіямъ конгресса. Затѣмъ собраніемъ утверждены были всѣ предложенія касательно организаціи реформистскаго движенія и агитаціи въ римской церкви; параграфъ же первый предложенъ съ дополненіемъ, что въ Мюнхенѣ будетъ образованъ съ этою цѣлью центральный комитетъ для южной Германіи, а въ Кельнѣ для сѣверной. Засѣданія конгресса закрылись въ восемь часовъ вечера.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатаны слѣдующія извѣстія, заимствованныя изъ нѣмецкихъ газетъ, полученныхъ 14-го сентября. Въ числѣ членовъ конгресса, кромѣ депутатовъ отъ старокатолическихъ общинъ, а также старокатолическихъ знаменитостей, присутствовало нѣсколько представителей другихъ церквей, въ томъ числѣ нѣсколько епископовъ изъ Англіи и Америки. Въ утреннемъ засѣданіи предсѣдателемъ конгресса избранъ пражскій профессоръ Шульте, извѣстный специалистъ по каноническому праву. Затѣмъ конгрессъ приступилъ къ обсужденію предложенія объ устройствѣ старокатолической іерархіи и пастырской дѣятельности. Первые 8 параграфовъ этого предложенія были приняты утромъ, а остальные вечеромъ, съ незначительными измѣненіями. При обсужденіи § 8, коимъ опредѣляется, что всѣ реформы въ дисциплинѣ и культѣ отлагаются на будущее время, старокатолическій священникъ Каминскій заявилъ, что единственнымъ основаніемъ помянутыхъ реформъ должны служить постановленія семи вселенскихъ соборовъ. При на-

чалѣ вечерняго засѣданія говорилъ протоіерей Янышевъ. Въ своей рѣчи, сказанной на нѣмецкомъ языкѣ, отецъ Янышевъ одобрялъ рѣшеніе конгресса держаться ученія древней церкви и то, что конгрессъ призналъ себя собраніемъ не компетентнымъ для предпріятія реформъ въ церковномъ устройствѣ. Затѣмъ, выяснивъ различіе между церквами католическою и православною, ораторъ предложилъ совокупно потрудиться въ пользу ихъ единенія. Въ заключеніе конгрессъ принялъ предложеніе профессора Шульте объ избраніи коммисіи изъ семи лицъ, которая должна обсудить правила и порядокъ выбора епископовъ, время, когда должны послѣдовать первыя выборы; назначить резиденцію и содержаніе епископу и т. п. По окончаніи выборовъ въ члены этой коммисіи засѣданіе было закрыто въ 8 часовъ вечера.

Сверхъ предложеній, разсмотрѣнныхъ въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ, конгрессу представлены еще слѣдующія: *О правахъ старокатоликовъ и о пропагандѣ старокатолическаго ученія*. Сущность перваго изъ нихъ заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ католическая церковь, принявшая догматъ папской непогрѣшимости, не есть уже та самая церковь, которой предоставлены были государственною конституціей извѣстныя права и привилегіи, то конгрессъ долженъ обратиться къ правительствамъ всѣхъ государствъ, гдѣ есть католики, съ ходатайствомъ о предоставленіи старокатоликамъ правъ, коими пользуется нынѣшняя официальная католическая церковь, то-есть признать старокатолическихъ епископовъ, назначить имъ дотации, предоставить священникамъ право вести метрики и другіе акты, а общинамъ пользоваться всѣми католическими церквами, и наконецъ освободить старокатоликовъ отъ налоговъ въ пользу новокатолической церкви. Что касается предложенія объ организаціи пропаганды католическаго ученія, то съ этою цѣлью предлагается, независимо отъ существующихъ уже комитетовъ, организовать въ Кельнѣ новое центральное учрежденіе изъ 12 членовъ, которое должно руководить всѣмъ старокатолическимъ движеніемъ. Комитетъ этотъ долженъ между прочимъ заботиться о поддержаніи и распространеніи старокатолическихъ газетъ и объ изданіи книгъ и популярныхъ брошюръ, посвященныхъ изученію религиозныхъ вопросовъ.

Папскій конклавъ.

Въ то время, когда Бисмаркъ поднимаетъ вопросъ о будущемъ конклавѣ съ тѣмъ, чтобы подготовить папу, расположеннаго къ его политическимъ расчетамъ, не излишне будетъ сообщить нѣсколько свѣдѣній относительно означенныхъ собраній, которыя мы и извлекаемъ изъ журнала *L'Union Chrétienne*.

По смерти папы управленіе государственными дѣлами принимаютъ на себя кардиналы, и глава ихъ, камерлингъ, лично отвѣчаетъ за все до времени собранія конклава.

Получивъ извѣстіе о смерти папы, камерлингъ удаляется въ комнату почившаго, три раза называетъ его по имени, поворачиваетъ трупъ, ударяетъ его по различнымъ частямъ тѣла серебрянымъ молоткомъ, и удостовѣрившись, что онъ не отвѣчаетъ и не двигается, обращается къ предстоящимъ съ слѣдующими словами: *Господа, папа умеръ!* о чемъ, конечно, всѣ уже знали прежде. Затѣмъ онъ снимаетъ съ его пальца перстень, называемый перстнемъ *ирланика* (*di*

recheur), разбиваетъ въ немъ серебрянымъ молоткомъ камень, и, препоручивъ трупъ надзору придворныхъ вельможъ, а душу молитвамъ священниковъ, онъ удаляется изъ Ватикана по большой лѣстницѣ на дворъ, гдѣ его ждетъ экипажъ.

На дворъ ждетъ его швейцарская гвардія, почетная гвардія папы, одѣтая почти въ такой же театральный костюмъ какъ и англійскіе алебардчики, впрочемъ съ гораздо большимъ вкусомъ. Капитанъ гвардіи, въ чинѣ полковника, подходитъ къ кардиналу въ ту самую минуту, когда онъ готовится сѣсть въ коляску, и обращается къ нему съ слѣдующими словами: «Монсеньоръ, мы узнали о смерти папы, и гвардія очень желаетъ возвратиться въ Швейцарію на свою родину. — Оставайтесь, оставайтесь на службу святой церкви» — отвѣчаетъ на это кардиналъ, садясь въ коляску; лакеи затворяютъ дверки экипажа, а полковникъ, подбѣжавши къ экипажу, громко спрашиваетъ: а кто платитъ? — Я, отвѣчаетъ кардиналъ, высунувши голову изъ окна коляски. — Слышите ли, говоритъ полковникъ солдатамъ, намъ платитъ его преосвященіе тво; и такъ правымъ флангомъ впередъ, марш! — Гвардія раздѣляется на три части; двѣ образуютъ конвой около экипажа, а третья слѣдуетъ за нимъ; капитанъ ѣдетъ при дверцѣ коляски, и такимъ образомъ кардиналъ въѣзжаетъ въ свой дворецъ, окруженный почетною гвардіею, которая и остается при немъ три дня.

Эта церемонія, въ которой съ такимъ цинизмомъ проявляется грубость наемныхъ солдатъ, такъ унижительно, что нельзя даже понять, какъ рѣшаются выполнять ее сыны такой благородной и свободной страны, какова Швейцарія. Въ теченіе трехъ дней, — камерлингъ держитъ бразды правленія въ своихъ рукахъ, и на память приказываетъ чеканить монету съ слѣдующею надписью: *Sede vacante delle anno...* (Праздникъ престола такого-то года...) На монетахъ красуется гербъ кардинала. Конечно подобная монета, назначенная только на три дня господства кардинала, не можетъ имѣть правильного обращенія, впрочемъ это ничего не значитъ; лишь бы только удовлетворилась личная гордость. По прошествіи трехъ дней, приступаютъ къ такъ называемому *Noveniale* (*Noveniale*), и кардиналы, собравшись въ коллегію, принимаютъ на себя управленіе церковью; коллегія представляется такъ называемыми *тремя лавами* различныхъ степеней священства; при этомъ одинъ кардиналъ обыкновенно бываетъ изъ епископовъ, другой изъ священниковъ, третій изъ диаконовъ; назначенные въ коллегію по старшинству, они представляютъ свои коллегіи, и, слѣдовательно, весь церковный составъ. Такъ продолжается до избранія новаго папы. Они получаютъ донесенія, — рѣшаютъ всѣ дѣла, даютъ аудіенціи иностраннымъ посланникамъ, и проч.

Немного найдется кардиналовъ или прелатовъ, которые хотя бы одну минуту своей жизни не посвятили мечтамъ о папствѣ; это золотая мечта ихъ; когда умираетъ папа, то всѣ думаютъ, что наступила минута, когда эта мечта должна осуществиться. Даже вполне сознающіе, что имъ никогда не достигнуть папства, принимаютъ надлежащія мѣры для того, чтобы способствовать избранію одного изъ своихъ друзей, который можетъ дать имъ важныя мѣста въ церкви, или которымъ они, по крайней мѣрѣ, могутъ управлять. —

Во время выбора папы всѣми кардиналами овладѣваетъ непомѣрное честолюбіе; чтобы быть имъ приятнымъ — остается одно средство: это говорить съ ними о возможности ихъ избранія въ папы... Въ продолженіе *новениаловъ* — обыкновенно образуются двѣ партіи, — одна держитъ сторону покойнаго папы и его правительства, а другая представляетъ собою недовольныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся лица, удаленныя отъ должностей при покойномъ папѣ, — лица, принадлежащія къ враждебной партіи противъ государственнаго секретаря, и, наконецъ, большее или меньшее число людей, оскорблявшихся придворными беспорядками, или фортуною придворной безнравственной жизни. Во время *новениаловъ* всѣ они единодушно признаютъ дурнымъ направленіе, котораго держалось послѣднее правительство, его заблужденія, недостатки и необходимость перемѣны лицъ и системы, но такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ личныя претензіи на папство, то, естественно, имъ гораздо труднѣе согласиться въ выборѣ лица. Тѣло папы обыкновенно переносится изъ Ватикана въ капеллу *Св. таинства* собора св. Петра, и тамъ выставляется для поклоненія вѣрующимъ, потому что папы не довольствуются поклоненіемъ при своей жизни, а требуютъ его и по смерти. Трупъ анатомируютъ, внутренности кладутъ въ урну, — и затѣмъ его бальзамируютъ. Во всякомъ дѣйствіи Рима непрѣменно встрѣчается темная сторона; такъ напримеръ государство назначаетъ довольно значительныя суммы для бальзамированія папы, — но эта сумма не расходуется согласно съ своимъ назначеніемъ, и большая часть оной расходуется по карманамъ распорядителей; это фактъ, признанный и освященный обычаемъ. Распорядители бальзамированія выставляютъ къ смѣтѣ расходовъ самыя бесполезныя и при томъ чрезвычайно дорогія вещи, якобы изъ почтенія къ святымъ останкамъ папы, а на самомъ дѣлѣ употребляютъ самыя обыкновенныя эссенціи, и заботятся только о сохраненіи тѣла въ продолженіе девяти дней, въ которые продолжается поклоненіе; впрочемъ жадность иногда одерживаетъ верхъ надъ благоразуміемъ, и нерѣдко случалось, что въ послѣдніе дни разложеніе дѣлалось такъ сильнымъ, что изъ тѣла на папскія облаченія выползали черви; несмотря на это, вѣрующее стадо никогда не отказывается цѣловать ноги своего почившаго верховнаго пастыря. Тѣло Леона XII издавало такое зловоніе, что были вынуждены замѣнить его манекеномъ, къ которому прикладывались вѣрующіе; за тѣмъ манекенъ погребли со всѣми почестями должными папѣ, — и всѣ остались довольны. По окончаніи всѣхъ означенныхъ церемоній, кардиналы собираются на конклавъ, обыкновенно помѣщающійся въ одномъ изъ апостольскихъ дворцовъ; нѣкоторое время для означенной цѣли предпочитали Квириналъ; но въ настоящее время, на случай смерти Пія IX, кажется, должно будетъ отказаться отъ этого помѣщенія, потому что его занимаетъ Викторъ Эммануилъ.

— С. I. Н. —

(Продолженіе будетъ).

При семъ прилагаются поллиста постановленій и распоряженій правительства.

Редакторъ священникъ
В. Рождественскій.

Въ типографіи „Русскихъ Вѣдомостей“
На Арбатѣ, въ Кривоу пер.

Цензоръ
Архимандритъ Амфилохій.